

БАБАСКИНА Т.Л.

ВРЕМЕННАЯ ГЛУБИНА ВОСПОМИНАНИЯ И ДУХОВНЫЙ ОПЫТ ЛИЧНОСТИ.

Современный этап философского осмысления памяти отмечен преимущественным интересом к надындивидуальному измерению памяти, анализу динамики социальной памяти, соотношению памяти и истории. Память в структуре духовно-личностного бытия оказывается в фокусе внимания исследователей в значительно меньшей степени, что неоправданно уже хотя бы потому, что акт воспоминания о лично пережитом может быть важнейшей составляющей духовной жизни личности.

В статье предпринята попытка анализа одного из факторов, влияющих на реализацию духовного потенциала воспоминания.

Давно установлен факт неразрывной связи памяти и времени. «Содержание вспомненного – это мое сознание сейчас, но отнесенное в прошлое. Оно переживается как наличное, но уже бывшее, т.е. прошлое признается бывшим, время впускается в сознание как фундаментальная составляющая» [1, с. 189]. Субъект воспоминания также постоянно движется во времени, дистанцируясь от времени воспоминаемого. Чем обрачивается эта временная дистанция для воспоминания – потерей или приобретением? Основываясь на чисто фактологическом подходе, можно заключить, что скорее первым, чем вторым. Ведь в период пребывания содержания опыта в памяти в нем происходят самые разнообразные изменения. Например, «частичное выпадение отдельных элементов содержания при точном сохранении других; исчезновение конкретных деталей и моментов с сохранением некоторых общих контуров, схемы прошлого опыта; прибавление к прошлому опыту того, чего в нем фактически не было; полное забывание» [1, с. 187]. Однако, при рассмотрении ценностно-смысловой сферы личного опыта, требующей экзистенциального подхода вполне оправданно не исключать заранее и альтернативный вариант ответа на заявленный вопрос.

Интересный материал для размышлений по этой проблеме предоставляют воспоминания П.А.Флоренского о своих детских впечатлениях. Он специально останавливается на вопросе соотношения подлинности воспоминания и его временной глубины. Философ обращает упрек тем исследователям автобиографий, которые полагают, что чем более современным является воспоминание воспоминаемому событию, тем больше ему можно доверять. На своем собственном примере Флоренский обнаруживает, что дневники и иные близкие им письменные данные не предоставляют ему возможности

выявить личностно значимый смысл того, что было пережито им в юности. «Когда я делал попытку заглянуть в них, - пишет он, - мое теперешнее сознание выталкивается чуждой их стихией, как кусок дерева водою Мертвого моря. И если бы читателю настоящих строк когда-либо попались те записи, он почувствовал бы глубокое отличие их от настоящего изложения и склонен был бы увидеть в нем некоторый вымысел» [2, с. 137]. Однако, замечает Флоренский, то, что для сторонних критиков может показаться вымышленностью на самом деле таковой не является. Философ подчеркивает, что опираться на дневниковые записи как безусловный гарант истины только в силу их современности событиям и сообразно ему оценивать истинность позднейших воспоминаний, было бы не правомерно. Позиция Флоренского по этому вопросу предельно категорична. «Я выслушиваю свои же старые дневники и проч., - заявляет он, - как спотыкающееся чтение по плохо написанной и недоступной пониманию читающего рукописи: и знаки препинания, и логические, даже музыкальные ударения, и ритмика чтения – все нещадно перевирается, а я, безусловно, не согласен в своем позднейшем понимании собственной своей жизни руководиться этим чуждым мне старым. В записях того времени местами я просто не узнаю себя, но знаю: это происходит вовсе не от недостатка в памяти, а от неправильности самой записи» [2, с. 138]. Подчиниться своеобразному диктату дневников, по мнению русского мыслителя, значило бы признать полную тогдашнюю беспристрастность к самому себе и к другим и превышающую возможности человека мудрость, благодаря которой можно было бы оценивать смысл и значение событий самих по себе, вне общих линий жизни. Отметая претензии синхронных свидетельств на объективность, Флоренский утверждает: «Современные записи по необходимости субъективнее, чем позднейший взгляд на те же события, уже обобщающий и имеющий основание выдвигать вперед или отодвигать назад то или иное частное обстоятельство. Многое, что за шумом жизни не было тогда услышано достаточно внимательно, по дальнейшему ходу событий выяснилось как самое существенное, тогда как много и очень много волновавшего прошло почти бесследно» [2, с. 138].

Известный исследователь темы духовной памяти в русской литературе Б. Аверин, особо обращает внимание на то, что для Флоренского «пристрастность автора воспоминаний связана не с тем, что он переосмысляет прошлое, а с тем, что он не способен переосмыслить его в достаточной степени» [3, с. 496]. Важнейшее условие истинности понимания личного прошлого укоренено, полагает русский мыслитель, в целостности человеческой личности, которая обретается по мере прохождения всего жизненного

пути. Необходимо подчеркнуть в этой связи, что возрастающая целостность личности это, прежде всего, качественная характеристика, формирующаяся во внутреннем времени личности, времени ее духовного взросления как процесса ценностного самоопределения.

Более зрелый, в ценностно-смысловом отношении, внутренний мир личности создает возможность иной оптики видения своего прошлого. Если же сделать еще больший акцент на динамике духовной жизни личности, то можно говорить даже о целом спектре подобных возможностей. «Весьма вероятно, - пишет Флоренский, - взойдя на некоторую новую ступень, я смог бы еще по-новому понять все бывшее...» [2, с. 139].

Чтобы оттенить специфику воспоминания, в котором реализуется возможность нового видения пережитого, его можно определить с помощью понятия, предложенного Габриэлем Марселем, как рефлексию второй ступени. Для Марселя, не согласного с идеей чисто рационалистического истолкования рефлексии подобная рефлексия, в отличие от аналитической рефлексии, есть условие полноты опыта. Она не исключает интуицию и предполагает душевную собранность и сосредоточенность. В понимании французского экзистенциалиста, как отмечает Г.М. Тавризян, рефлексией второй ступени восполняется то, что было упрощено и редуцировано в первичном акте познания [4].

Замечательную характеристику перехода к воспоминанию в форме рефлексии второго уровня дает П.А. Флоренский, анализируя свои дневники. «О важнейшем и наиболее глубоком я или не писал тогда, или писал неправильно, да и не мог писать; это были еще слишком тонкие и не доведенные до полной сознательности впечатления и внутренние движения, чтобы могли у меня в таком возрасте найтись слова для них. Теперь же, когда это тонкое вышло уже на поверхность сознания и, проросши, оттенило то, что тогда было там, - теперь оно может быть высказано» [2, с. 138].

В теоретическом отношении размышления русского мыслителя о процессуальном характере подлинного воспоминания обнаруживают близость подходу Э. Кассирера. В работе «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры» немецкий философ утверждает: «Мы не можем описать человеческое воспоминание как простой возврат к событию, как слабый образ или копию прежних впечатлений. Это как раз не простое повторение, а скорее возрождение прошлого – оно включает творческий и конструктивный процесс» [5, с. 500]. Высоко оценивая вклад А.Бергсона в преодоление механических теорий памяти, Кассирер особо отмечает идею последнего о том, что память означает взаимопроникновение всех элементов нашей прошлой жизни и предпо-

лагает интенсификацию опыта пережитого. Этот процесс интенсификации, как представляется, самим Э. Кассирером связывается с нарастанием символизации. «Символическая память – пишет он, - процесс, с помощью которого человек не просто повторяет свой прошлый опыт, но и перестраивает его» [5, с. 501].

Яркий пример подобной символической проработки личного опыта в свете насущных духовных исканий можно увидеть в воспоминаниях Павла Флоренского о детских переживаниях связанных с прививкой от оспы. Помимо памяти о страхе и ужасе этот эпизод из детства оставил в его душе и более глубокий след. «Спрашивая себя, - пишет Флоренский, - какую идею открыл мне описанный случай и освещая сознанием нижайшие слои своей памяти, я нахожу, что этою идеею было неизбежное. Мне стало тут ясно, что есть неизбежное, которое выше меня, выше всех, даже взрослых, выше даже родителей, что оно не только внешне, но и внутренне необходимо» [2, с. 38]. Эта, сокровенно памятуемая идея неизбежного, своеобразно преломилась в ответе философа своему сыну, поинтересовавшемуся отметинами в виде трехкопеечных монет на руке отца (это были шрамы от прививки). Флоренский вспоминает: «я ему объяснил, что это пуговицы, которыми застегнута на мне человечья кожа, и что стоит их расстегнуть, как я сниму кожу и в виде птицы выпорхну из кожи, разобью оконное стекло и улечу за дальние края...» [2, с. 38]. Здесь детский опыт переживания неизбежности, проясненный посредством вторичной рефлексии как идея неизбежного, просвечивается в символической глубине ответа, скорее даже не сыну, а самому себе о земном существовании, духе и теле.

Анализ оснований скептического отношения П.А. Флоренского к возможности синхронных свидетельств в полной мере раскрыть личностно значимый смысл пережитого позволяет сделать следующие выводы. Временная глубина воспоминания при условии ее сопряжения с процессом духовного возрастания личности является фактором, содействующим экзистенциальной подлинности воспоминания. В свою очередь, воспоминание, осуществляющее смысловое приращение (можно даже сказать проращивание) опыта пережитого, способно не только способствовать лучшему самопознанию, но и быть актуальным в виду насущных духовных запросов и исканий личности. Как заметил П. А. Флоренский «иное, по-видимому, мимолетное и тогда полузамеченное, оказалось незабвенным и даже с годами делается все более ярким среди тускнеющих образов прошлого: это – зерна будущего» [2, с. 138].

Библиографический список

1. Книгин, А.Н. Философские проблемы сознания. – Томск, 1998.
2. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли: Сб. статей / П.А. Флоренский, [сост. Л. Янович]. - Новосибирск, 1991.
3. Аверин, Б. Воспоминание у Набокова и Флоренского // В.В. Набоков: pro et contra. – СПб., 2001. – Т.2.
4. Тавризян, Г.М. Габриэль Марсель // Философы двадцатого века. – М., 2004. - Кн. 1.
5. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М., 1998.

Bibliography

1. Knigin, A.N. Filosofskie problemih soznaniya. – Tomsk, 1998.
2. Florenskiy, P.A. U vodorazdelov mihsli: Sb. stateyj / P.A. Florenskiy, [sost. L. Yano-vich]. - Novosibirsk, 1991.
3. Averin, B. Vospominanie u Nabokova i Florenskogo // V.V. Nabokov: pro et contra. – SPb., 2001. – T.2.
4. Tavrizyan, G.M. Gabriehlj Marselj // Filosofih dvadcatogo veka. – M., 2004. - Kn. 1.
5. Kassirer Eh. Opiht o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoyj kuljturih // Kassi-rer Eh. Izbrannoe. Opiht o cheloveke. – M., 1998.

Статья отправлена в редакцию 19.11.12